

Герман Иванович Быков
Английский рабочий класс

во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.
Борьба классов. 1933, № 2. С.78-97

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Материалы к теме:

Дж.Рюде. Народные низы в истории.

Англия в 18 в. Переход к промышленному обществу. Промышленная Британия

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

Лирики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв.половина 19 в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

Аграрное движение в эпоху промышленного переворота в Англии

«Я знаю героическую борьбу английских рабочих, — говорил К. Маркс на юбилее «Рабочей газеты», — начатую еще в середине прошлого столетия (разрядка моя. — Г. Б.), борьбу, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали».

Настоящая статья ставит себе задачей дать очерк героической борьбы английских рабочих с 1792 г. по 1832 г. Этот отрезок истории рабочего движения Англии очень часто выпадал и игнорировался при изучении истории Англии; в нашей научно-исследовательской учебной и исторической литературе промышленный переворот изучался подчас лишь с точки зрения технической революции и вне связи с историей восьмидесятилетней гражданской войны в Англии, о которой так часто писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Поэтому и чартизм изучали почти без всякой связи с предыдущими фазами развития рабочего класса Англии. Между тем Энгельс рассматривает чартизм и как детище предшествующего фазиса развития рабочего класса в Англии. Борьба чартистов за политическую власть не была каким-то внезапным явлением; она выросла из длительной, более чем полувековой истории борьбы рабочих в эпоху промышленного переворота. Демократическая партия, существовавшая в форме Корреспондентских обществ, — вот кто является предшественницей чартистского движения. Ф. Энгельс прямо называет чартизм детищем этой партии.

Рабочий класс Англии в эпоху Великой французской революции уже играл решающую роль в борьбе за демократию, и фактически он шел во главе борьбы за «парламентскую реформу». Но английский рабочий класс того периода конечно не представлял еще высококонцентрированного промышленного пролетариата, как в 1831—1854 годы — в годы чартистского движения. Английский промышленный пролетариат формировался из разорившихся ремесленников, кустарей, подмастерьев, рабочих домашних промышленности, из пролетаризированного крестьянства, из обитателей «рабочих домов» и т. д. Ясно, что на первых порах своего формирования (во второй половине XVIII столетия) пролетариат разделял идеологию мелкой буржуазии, вкладывая в нее свои туманные понятия о социальной справедливости, аграрном равенстве и политических правах. В области идеологии он дышал идеалами Томаса Пэна и Томаса Спенса. Несмотря на это, всем ходом развития классовой борьбы тогдашний рабочий класс (1794—1832 гг.) выдвигался в авангард революционно-демократического движения.

«Аграрная революция» в Англии означала экспроприацию крестьянства в интересах компромисса между капитализировавшимися лендлордами и буржуазией. «Славная революция» 1688 г. определила характер и направление состоявшегося компромисса между ториями и вигами. В дальнейшем буржуазии оставалось лишь «улучшать» «лучшую и прекраснейшую в мире» конституцию Англии. Буржуазия, получив огромную резервную армию дешевых рабочих рук, опираясь на каторжное рабочее законодательство, могла широко проводить промышленную техническую революцию. Самое старое законодательство о зарплате, о рабочем дне времен Елизаветы Тюдор воскрешалось и усиливалось новым законодательством В. Питта и Р. Пилля против рабочих. Чудовищная эксплуатация детей с 5-летнего возраста, 18—20-часовой рабочий день женщин, стариков, мужчин, нищенская зарплата и высокие цены на предметы первой необходимости превращали жизнь английского промышленного пролетария и сельскохозяйственного батрака в сплошную каторгу; фабрики становились синонимом каторги, а политическое бесправие еще острее заставляло сознать английских рабочих свое экономическое рабство. В 24-й главе 1-го тома «Капитала» Маркс дал нам незабываемые страницы об ужасах эксплуатации, обнищания (пауперизации) и вымирания английского рабочего класса как в эпоху первоначального капиталистического накопления, так и в особенности в первый период промышленного переворота.

Революция в способах производства вызвала и революцию в ценах. За время с 1780 по 1795 г. цена на хлеб поднялась с 45 шил. до 81 шил. 6 пенсов за четверть. Мясо с 76 шил. в 1787 г. — до 110 шил. в 1797 г. (за три хундверейта). Масло с 47 шил. до 85 шил. за хундверейт. Сахар с 24 шил. до 52 шил. за хундверейт и т. д., причем эти решающие годы—1791—1797 — были годами малоурожайными, а зимы особенно суровыми, жестокими, продолжительными.

Тукк определил стоимость питания рабочего — хлеб, мясо, сахар и т. п. — в 1773 г. в 8 фун. ст. 4 шил. В 1793 г. — 16 фун. ст. 2 шил. 6 пенсов и для 1797 г. — 22 фун. ст. 9 шил. 4 пенса. В то время как цены на продукты питания за 40—50 лет в XVIII столетии возросли от 60 до 130 проц., зарплата возросла на... 20 проц. Сельскохозяйственные рабочие зарабатывали летом от 10 до 14 шил. в неделю, а зимой — от 10 до 14 пенсов в день. Весь доход сельскохозяйственного рабочего с семьей составлял 8 шил. 6 пенсов в неделю при расходе в 5 шил. 3 пенса на хлеб и 3 шил. 2 пенса на все остальные потребности. А если к этому прибавить выплату зарплаты «продуктами» из лавочки хозяина, то экономическое положение рабочего в эпоху промышленного переворота становится ужасным и нестерпимым.

Капитализм обучал молодой пролетариат «фабричной» дисциплине, одновременно пробуждая в нем чувство классовой солидарности и классовой ненависти. Затяжная и непопулярная война с революционной Францией, а потом с Наполеоном усугубляла экономический и политический кризис в 1789—1797 гг. Разорившееся крестьянство и сельскохозяйственные рабочие развертывают широкое массовое аграрное движение против лендлордов, церковников и капиталистических фермеров, требуя снижения аренды, уничтожения десятины, приостановки огораживания пустошей и экспроприации общинной земли. С 1767 г. вплоть до чартизма, как и в самый период чартизма, в Англии довольно часто горят замки лендлордов, вспыхивают отдельные массовые крестьянские и батрацкие восстания. Можно сказать, что старая Англия содрогалась под ударами аграрных беспорядков.

Энгельс очень образно писал в «Положении рабочего класса в Англии», о «восьмидесятилетней социальной войне в английской деревне». В наших учебниках этой оборотной стороне аграрного переворота не уделяли достаточного внимания, словно действительно крестьянство без сопро-

гивления соглашалось на экспроприацию, а сельскохозяйственные рабочие безропотно переносили жесточайшую эксплуатацию.

В первые годы промышленного переворота в 1767 г. в Ланкашире возникает движение деревенской бедноты на Гаутгентрских болотах. Болота кормили десятки тысяч беднейших крестьян, рыбаков, батраков, кустарей, деревенских ручных ткачей. И борьба 1767 г. за болота, против огораживания напоминала по своей ожесточенности и размаху знаменитое движение «болотников» эпохи Кромвеля. Движение перекидывается на деревню Маульдей. Из Ковентри были двинуты войска, и «бунт» был кроваво усмирён. В 1799 г. вспыхивают серьезные аграрные беспорядки в Вальбарстоне, Нортчамтшире. «Мятежи» подавляются войсками.

Интересно аграрное восстание в Отмуре. В 1801 г. герцог Мальборо и другие добились от парламента билля на огораживание (сиречь экспроприацию) 4.000 акров болот, принадлежащих отмурскому беднейшему крестьянству. В ответ вспыхивает восстание в приходах Бекли, Оддингтонс и Чарльстоне. Даже фабианец историк Гаммонд должен признать, что восстание в Отмуре является «социальной войной». Вплоть до 1814 г. не удалось подавить революционное отмурское крестьянство.

В 1814 г. возобновились новые попытки экспроприации отмурцев. Герцог Мальборо и местные лорды подняли уровень воды реки Рей, стекающей в Отмур, провели новый канал и фактически лишили отмурцев воды. В 1829 г. в июне отмурцы вновь восстают и уничтожают плотины. В июне — августе 1829 г. отмурцы, вооружившись чем попало, уничтожили все плотины и загороды. Отмурцы создали «ассоциацию отмурцев», руководившую аграрными беспорядками. Арестованных отмурцев отбивали. Население не шло в милицию, сочувствуя восставшим. Вплоть до 1830 г. отмурская беднота находилась в состоянии перманентного восстания. Правительству приходилось делать много усилий, приходилось мобилизовывать воинские силы для разгрома революционного очага аграрного движения. Даже еще в 1832 г. мировые суды Оксфорда сообщают, что отмурцев могут подавить лишь воинские силы, а на милицию полагаться нельзя.

Движение против экспроприации деревенской бедноты и за экономическое улучшение сельскохозяйственных батраков не угасало.

Отмурское восстание было задушено, но вслед за ним вспыхивает еще более грозное восстание в 1830 г. — «свингов», сельскохозяйственных рабочих, доведенных до крайней степени нищеты. Восстание «свингов» было более массовым и более серьезным, чем все предыдущие аграрные волнения 1795—1816 гг., превосходя своими размерами восстания болотников 1636—1654 гг. Движение «свингов» охватывало Кенг, Сессекс, Серрей, Беркшир, Гамшир, Вильтшир, Бекингамшир, Дорсет, Глоустершир, Беуфордшир, Норфольк, Суффольк, Эссекс, Девоншир, Кэمبرиджшир, Партноншир, Гермфорд, Оксфордшир, Хенг и другие графства и округа.

«Свинги» предлагали рабочим «пробудиться для своего собственного дела и значения». «Свинги» собирались по ночам с пылающими факелами, при кострах, на болотах и в лесах, ведя многотысячные заседания. Все это производило потрясающее и ужасающее впечатление на помещичьи нервы, и без того натянутые благодаря городским бунтам и бунтам в армии и флоте, о чем скажем дальше.

Лондон был в панике. По выражению историка Гаммонд, «народная дипломатия посылала ноты своим классовым врагам, звучащие довольно красочным языком пламенеющих, бапрово-огненных небес, разбитых фабричных станков и с.-х. машин».

Страх лендлордов в течение нескольких первых недель восстания доходил до того, что герцог Бекингэмский говорил об Англии как о стране, находившейся в руках мятежников. Член парламента Барингс

заявил в Палате общин, что «если бы беспорядки продлились на три — четыре дня дольше, то восстание было бы вне досягаемости какой бы то ни было власти, могущей его контролировать», т. е. подовать его!

Движение сельскохозяйственных рабочих, «свингов», поддерживалось и фермерами, также страдавшими от церковной десятины и высокой арендной платы. «Свинги» требовали повышения заработной платы, уничтожения десятины, снижения аренды и охраны от огораживания помещиков и выпускали «подметные письма». У несогласившихся давать 2 шил. 6 пенсов дневной зарплаты жгли скирды и ломали с.-х. машины. Часть помещиков и капиталистов-фермеров дрогнула. Около Рея в Бриде 5 ноября 1830 г. состоялось совместное заседание представителей «свингов», капиталистических фермеров и лендлордов. Последние соглашались уплачивать с.-х. рабочим от 2 шил. 3 пенсов до 2 шил. 6 пенсов семейному в день и удалить из прихода особо ненавистного собственника из местных резидентов. Бэрваш, Тайс, Херет, Хисфильд, Варблетон, Найкфильд, Мейфельд и ряд других приходов приняли программу соглашения в Бриде. «Свинги» распространяли прокламации, призывая добиться распространения соглашения в Бриде и на остальные районы Англии.

Никакие подкупы не могли разложить движение «свингов». Наиболее дальновидные лендлорды поспешили пойти на локальные соглашения со «свингами» и таким образом разорвали единый массовый фронт восставших батраков. Фермеры, поддерживая «свингов», отказывались идти в милицию, т. е. подавлять вооруженной силой «свингов». Мировой судья в Баттль сообщает министру внутренних дел о своем намерении снизить арендную плату в надежде, что фермеры пойдут в констебли! Даже береговая охрана по борьбе с контрабандистами становилась ненадежной. Браконьерство превращалось в своеобразное лесное партизанство, когда браконьеры уничтожали королевскую «дичь жирную, как лондонский ольдерман» (К. Маркс).

Голодные массы рабочих, батраков и деревенской бедноты, уничтожали дичь в парках и рыбу в прудах лендлордов. Законы против браконьерства с 1770 г. сыпались, как из рога изобилия. Запрещалось носить охотничьи ружья, иметь охотничьих собак, сети, силки, петли, капканы и другие охотничьи орудия. Этот акт феодализма 1770 г. был обновлен в 1800 г. и усилен обещанием расправиться с браконьерами, как с разбойниками и бандитами, т. е. фактически браконьеры объявлялись вне закона. Непосредственным результатом этого акта было сплочение вооруженных ночных дружин лесных братьев, причем в первой половине XIX столетия эти лесные братья частенько по ночам давали сражения королевской армии, не считаясь с тем, кому принадлежат парки, — помещикам, министру или королю.

Ночные сражения «лесных братьев» с королевскими войсками при свете факелов. грохоте пушек напоминали подчас форменные военные действия с обеих сторон.

Историк Гаммонд довольно красочно описывает такие битвы голодных верноподданных короля Великобритании с его армией. «По ночам леса, — пишет Гаммонд, — зловеще освещенные факелами, оживали и оглашались сплошными залпами от перестрелки и стовами раненых и умирающих в битве с обеих сторон».

Такова была оборотная сторона «диллии «старой веселой Англии».

Основная тактическая ошибка «свингов» была в местных соглашениях. Борьба немедленно прекращалась в том районе, где достигнуто было соглашение, и переносилась в другой район. Слабым пунктом «свингов» было отсутствие понимания необходимости вести борьбу не в районе, а в общем национальном масштабе и за полное уничтожение лендлордиз-

ма. Отсутствие у вождей восстания конечных целей обеспечило правительству его подавление воинскими карательными экспедициями. Мировые судьи, санкционировавшие местные соглашения со «свингами», получили от правительства нахлобучку. И все же, несмотря на военный разгром «свингов», лендлордам пришлось увеличить заработную плату сельскохозяйственным батракам в ряде районов. Снижение арендной платы и десятины прошло по всей Южной Англии.

Центральной фигурой в английской деревне в эпоху промышленного переворота был сельскохозяйственный батрак, атаковавший крупные лендлордовские имения, церковные поместья и окружающие «работные дома».

Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» пишет: «На примере крестьянской собственности Англии мы видим, какое влияние имеет наличие многочисленного земледельческого пролетариата, при крупных имениях, на состояние сельских общин».

На истории Лиги борьбы против хлебных законов Энгельс рисует дальнейшую эволюцию политических взглядов фермеров и сельскохозяйственных рабочих: «Если фермеры сделаются либералами, т. е. сознательными буржуа, то поденщики неизбежно сделаются чартистами». Одновременно Ф. Энгельс подчеркивает влияние июльской революции 1830 г. на под'ем революционного аграрного движения в Англии.

Ф. Энгельс вел регистрацию аграрных беспорядков 1838—1845 гг. Поджоги он называет «излюбленным приемом социальной войны». С 1830 г. по 1842 г. в графствах вновь пылают хлеба на помещичьих, фермерских и церковных полях в Сессексе, Кембриджшире, Гертфордшире, Бедфордшире, Ланкашире, Норфольке, Суффолке, Дерби, Линкольне и на юге,— вплоть до 1848 г.

Как только удалось подавить городское рабочее движение 1792—1832 гг. правительство повело правильную военную кампанию против «свингов». Началось «возмездие» победителей. Были введены специальные (т. е. фактически полевые) суды. Казалось, вся Англия превратилась в сплошной судебный участок, где на скамье подсудимых сидел сквашный цепями потерпевший поражение многострадальный английский рабочий класс. Сотни «свингов» были повешены, сотни убиты при усмирении, тысячи брошены в тюрьмы и сосланы на каторгу в Австралию и Тасманию. Вильям Коббет, Ричард Карлейль и Фергюс О'Коннор выступали в защиту «свингов». Они судились за свое сочувствие к «свингам». Первые были оправданы, но О'Коннор судился за чартизм и в своей речи выступил в защиту сельскохозяйственных рабочих. В эпоху чартизма сельскохозяйственные батраки десятками тысяч идут на митинги «Большого северного союза» и вступают в земельные ассоциации О'Коннора и в чартистскую партию. Чартистская газета «Северная звезда» чутко ловит сигналы вновь поднимающейся деревенской бедноты и сельскохозяйственных батраков.

Аграрные планы чартистов складываются под влиянием движения сельскохозяйственных рабочих 1832—1848 гг. Сельскохозяйственный пролетариат сигнализировал свою поддержку революционному чартизму и городскому пролетариату. Английская деревня в эпоху чартизма вновь окутана дымом горящих усадеб и скирд хлеба. «Как нравится моим читателям, — восклицает Фридрих Энгельс, — такое положение в тихих и идиллических округах Англии? Можно назвать это социальной войной или нет?» Ясно, что Энгельс эти ночные иллюминации считал самой подлинной, настоящей гражданской войной в «старой веселой Англии».

Такова в кратких чертах история революционного движения 1792—1848 гг. в английской деревне.

Обратимся теперь к городу.

Революционная борьба английских рабочих в эпоху промышленного переворота

Промышленный переворот обрекал на голодное вымирание рабочих домашней, кустарной и ручной промышленности. «Хлебный закон» способствовал бешеному росту цен на хлеб. Рабочему классу, сельскохозяйственным батракам и мелким арендаторам ничего не оставалось, как питаться «лошадиным кормом». Парламент вместо отмены хлебного закона и борьбы со спекуляцией занялся глубокомысленным составлением кулинарных рецептов из овса. Овсянка и овсяные отруби становятся единственной пищей миллионов пролетариев города и деревни. По свидетельству того времени, «ветчина или другое что-либо из мясного составляют незначительную долю в их пище, а сыр делается роскошью». На самом же деле рабочий не видел ни мяса, ни масла, ни ветчины. Ему нехватало даже овсяной трухи!

Промышленный переворот, война с революционной и наполеоновской Францией против воли большинства английского народа — все это на первых порах ведет к обострению экономического кризиса Англии и к серьезному потрясению всего народного хозяйства. Хлебные цены спекулятивно вздуваются. И по всей Англии прокатывается грозная волна стихийных голодных бунтов в городах, местечках и в деревенских поселках.

Требования установления минимума заработной платы и снижения цен на продукты первой необходимости становятся боевыми требованиями поднимающегося городского и деревенского пролетариата. Требования подкрепляются стачками и бунтами. В хлебных и картофельных бунтах 1795 г. выдающуюся роль играют женщины → жены, матери и дочери рабочих, сами работницы и батрачки. «Мятежницы», по отзыву властей и очевидцев, отличались чрезвычайной дисциплинированностью и, как общее правило, лавок не громили. Там, где «бунтовщики» становились хозяевами положения, они немедленно устанавливали твердые, справедливые цены на все продукты. «Бунтовщики» обходили спекулянтов, конфисковали продукты и продавали их по твердо установленному максимуму, оставляя выручку собственнику продуктов.

Так, в Эльсбери в 1795 г. многочисленная толпа, преимущественно женщин, захватила всю пшеницу, поступившую на рынок, и принудила фермеров принять цены, ею установленные. Только в Девоншире, около Чудливра, «бунтовщики», главным образом женщины, разрушили две мукомольных фабрики. В Карлайле толпа женщин демонстрировала по улицам, обошла все лавки, конфисковала зерно, сложила его в общественном зале и образовала комитет по установлению продажных цен. В Форд-Бридж под руководством энергичной молодой Сарры Роджерс (впоследствии присужденной к каторжным работам) была произведена толпой конфискация масла для продажи по пониженной цене. Вообще «Сарра», т. е. женщина, является героиней тогдашних голодных бунтов.

В Бате женщины захватили судно, груженое пшеничным зерном и мукою, и отказались выпустить его в Бристоль. Несмотря на оглашение «акта о мятеже» (т. е. о восстании), женщины судна не выпустили. зерно и мука были ссыпаны в склады. Солдаты, видимо, отказались подавить восстание. Вообще нужно добавить, что в некоторых местах солдаты решительно отказывались от подавления восстаний и даже помогали «бунтовщикам» в конфискации у спекулянтов продовольствия и в фиксации твердых цен. То же подчас делала и милиция. В Сифорде солдаты сами захватили и продали мясо и муку. В Гильдфорде они были лидерами движения за понижение цен на мясо до 4 пенсов за фунт и в связи с этим были высланы как неблагонадежные из города. Армия состояла из сыновей разорившихся, экспроприруемых крестьян и детей голодных тка-

чей и рудокопов. Характерной особенностью восстаний и бунтов 1795—1797 г. является тесный блок сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты с городскими рабочими и мелкой буржуазией, остро страдавшими от высоких хлебных цен и низкого минимума заработной платы. В тревожные и бурные годы голодных бунтов (1795—1797 г.), основательно перепугавших милордов и капиталистов, почти по всей Англии стихийно возникли лиги потребителей, являясь руководящими центрами бунтовщиков.

Кроме вышеупомянутых районов голодных бунтов в газетной хронике того времени упоминается о серьезных беспорядках в Вильтшире, Суффольке и Норфольке. В Деддингтоне население захватило баржу с мукой и вернуло ее лишь после обещания мельника продавать муку по пониженной цене. Палата лордов и Палата общин продолжали изыскивать кулинарные рецепты против голодных бунтов. Они мудро решили, что «овса было бы достаточно для бедных, если бы не дозволяли овса лошадям, за исключением почтовых и может быть кавалерийских».

Действительно, «лошадиная пища» играла первостепенную и важнейшую роль в бюджете бедноты. Так, в Кемберланде рабочий с женой и семьей в 5 чел. тратил 7 фун. ст. 8 шил. в год. Ткач в Кендале с 8 членами семейства тратил в год 12 фун. ст. 9 шил. на овсяную муку. Рабочий в Шротшире с 4 членами семейства тратил в год 10 фун. ст. 8 шил. на мешанный хлеб из пшеницы с рожью. Сельскохозяйственный рабочий в Ветералле, Кемберланде с семьей в 5 чел. тратил в год 7 фун. ст. 6 шил. 9 пенсов на крупы.

В Хойгэме произошел митинг рабочих в пользу минимума заработной платы. Массовые волнения, восстания и бунты заставляют английский парламент приступить к обсуждению билля о минимуме зарплаты. При повторном чтении билля он был похоронен. Вместо билля — усиление политики нажима, прикрепление бедных к приходам и дальнейшее насаждение ненавистных «рабочих домов». Закон запрещал свободу передвижения рабочих и поиска работы, прикрепляя его к определенной местности и принуждая этим работать по любой цене, диктуемой лендлордами и фабрикантами. Так вводилось фабричное рабство в первые десятилетия промышленного переворота.

В целях создания кадра еще более зависимых рабочих и понижения заработной платы среди буржуазных политиков и фабрикантов возникает так называемое «аллотменское движение» по наделению бедных карликовыми огородническими участками в 1—2 акра и «коровкой». Все же голодные бунты 1795 г. привели к некоторому повышению заработной платы не посредством парламентского вмешательства, а в процессе революционного нажима рабочих на самих хозяев.

В Спингамланде рабочие добились минимума заработной платы. Рабочие с.-х. округов добиваются распространения и на них этого договора. Но в руках мировых судей — местных лендлордов — Спингамландское соглашение превращается в фиксацию голодного минимума и еще более низкой заработной платы. В результате наполеоновских войн и холерного лета были взвинчены цены на все продукты. 1811—1813—1816—1817 и 1819 годы — годы новых бунтов и восстаний, усилившихся так называемым луддитским движением. В луддитском движении чувствуется сильная организация, военная дисциплина. «Луддиты» повсеместно борются за повышение зарплаты и потихонечку кое-где вооружаются пиками. Там, где требования о повышении зарплаты не удовлетворяются, разрушают станки, машины. Так было у рудокопов на Тайне и Вире, у ткачей Ланкашира, Нонтингамшира. Но разрушение машин вовсе не являлось самоцелью, что вынуждены признать и буржуазные историки Кэвингам и Манту. Это был отчаянный протест умирающих от голода ра-

зорившихся ручных ткачей и прикованных к капиталистической фабрике несчастных обитателей мрачных «рабочих домов». В Бристоле в 1811—1812 гг. бунтующие рабочие пытались разрушить тюрьму. Движение «луддитов» подавляется железом, огнем и мечом: по приговору полевых судов казнены сотни рабочих, в том числе и подростки. Тысячи уходят в пожизненную каторгу в Австралию и Новую Зеландию.

В 1816 г. в мае в Норфолке, Суффольке, Регингтоне, Кембридже вспыхивает новое восстание сельскохозяйственных батраков. После ночных митингов с военным парадом мятежников красный петух и угрожающие подметные письма, т. е. прокламации восставших, были широко распространены по усадьбам лендлордов и лавкам продуктоотроговцев. В Нори, Бэри и Суффольке произошла стычка восставшей толпы с кавалерией, драгунами и полицией. Часть «мятежников» была захвачена в плен и брошена в тюрьму. «Бунтовщики» собирались большими отрядами от 500 до 1.500 человек и больше.

Среди бунтующих в качестве верховодов действовали бывшие демобилизованные безработные солдаты, сами бывшие ткачи и рудокопы, становясь организующим цементом повстанцев. В Дунгэме после подавления восстания мировые судьи все же были вынуждены гарантировать прожиточный минимум заработной платы и освободить арестованных «преступников» и «государственных изменников» — рабочих. Самым

серьезным сражением была битва повстанцев с правительственными войсками в Литльпорте на острове Или, когда, по выражению Гаммонда, «старый боевой дух людей болот (1634—1654 гг. — Г. Б.), казалось, возродился в мятежниках».

Восстание началось с изгнания из собственного дома церковного маэстрата В. Эчеля, после чего повстанцы атаковали зажиточных, т. е. торговцев, конфискуя деньги; после этого повстанцы двинулись в Или, где провели такую же программу. Мятеж кончился поражением бунтовщиков в битве под Литльпортом, где 2 повстанца было убито и 72 взято в плен. Через месяц суд специальной (т. е. полевой) комиссии приговорил 5 чел. к повешению и 9 чел. к пожизненной и пятнадцатилетней каторге, других — к тюрьме. Главный судья Кристиен в своем разюме цинично заявил, что «бунтовщики получали большую плату, и всякое изменение цены на продовольствие могло бы только уменьшить те излишки, которые они слишком часто растрачивают в пьянстве». Так классовое правосудие лендлордов и капиталистов резюмировало итоги поражения массового революционного народного движения в 1816 г.

Восстания 1792—1830 гг. были подавлены твердой и кровавой рукой восторжествовавшей реакции благодаря устойчивому положению Англии как монополистки на мировом рынке, сумевшей при помощи царской России и королевской Пруссии приостановить развитие влияния Великой французской революции на Великобританию и покончить с империей Наполеона Бонапарта. Но на этих великих дрожжах массового революционного движения 1792—1832 гг. вырос и развился чартизм. Массовое революционное движение оказало свое влияние и на армию и в особенности на флот. Наемный матрос или солдат—вчерашний ирландский батрак, или шотландский рудокоп, или английский ткач, продавший себя на службу его величеству, чтобы спастись от безработицы, попав в форменное рабство к кучке офицеров, продажных и развратных младших сынков лордов, получая грошовое жалованье, задерживаемое месяцами офицерами-растратчиками, скверно питающийся, еще не успевший обалдеть от только что вводимой казарменной атмосферы, но живший в атмосфере возмутительного мордобоя, плеточной и палочной дисциплины и военно-полевых судов, такой солдат и матрос, мать, отец, братья и сестры которого пухли от голода на фабрике или на арендуемом клочке земли, был легко восприимчив к революционной пропаганде.

Милиция и волонтеры из фермеров и из мелкой городской буржуазии, страдавшей от гнета крупной буржуазии и лендлордов, также бывали не особенно надежной опорой короля и парламента. В особенности тяжелое и безотрадное положение было в наемном военном флоте. Благодаря войнам с Францией флот годами не видал родных берегов, по полтора года не получал жалованья и жил в условиях особо сурового и каторжного военно-морского устава. Наказание «кошкой» и повешение на рее за малейшее непослушание самодурам морским офицерам, подчас покупавшим себе службу во флоте, вот что получал матрос. Недаром во время грандиозного восстания трех флотов Англии в 1797 г. матросы в своих прокламациях жаловались, что с ними «обращаются хуже, чем с собаками на улицах Лондона». Материальное бесправие солдат и моряков усугублялось их полным политическим бесправием. Они не имели права жаловаться на извергов начальников помимо их самих же. Окончание наполеоновских войн сразу выбросило на рынок труда десятки тысяч рассчитанных солдат и матросов.

Неудивительно, что в восстаниях 1792—1832 гг., бывшие солдаты и матросы играют видную роль, становясь вождами повстанцев. В период 1789—1795 гг. и Ирландского восстания английское правительство поняло необходимость в целях благонадежности держать армию и флот изолированно от народа—в казармах, а не разбросанно по стране в качестве воин-

ских постоев по квартирам рабочих и крестьян. Полковник де-Ланси в 1792 г. после инспекции армии рапортует, что «опасной мерой является содержание войска в фабричных городах в их настоящем распыленном виде, а не в казармах».

Рапорт наблюдательного полковника содействовал быстрому насаждению специальных военных казарм в фабричных округах. Полковник Вайг, командир восточных графств, не смел сделать город Норвич своей главной штаб-квартирой в 1792 г. благодаря революционному движению, руководимой норвичской организацией демократической партии — «Корреспондентскими обществами».

Еще в 1789 г. герцог Ричмонд, активный участник борьбы за парламентскую реформу, находился в переписке с лейтенантом-полковником Шарманом, «председателем Комитета корреспонденции, назначенного от 45-го корпуса волонтеров, собравшихся в Лисборне, Ирландия». Влияние английских Корреспондентских обществ и Общества объединенных ирландцев оказывало на флот и армию свое политическое воздействие. Упомянутый полковник де-Ланси предлагал перевести из Манчестера шотландских драгун и «серых» (grays), так как они посещали пресвитерианскую капеллу, в которой велась членами Корреспондентских обществ мятежническая агитация.

Члены Корреспондентских обществ в своих прокламациях к армии и флоту ставили им в пример революционную якобинскую армию и призывали «не гасить факел свободы человечества, зажегшийся по ту сторону Ламанша», т. е. призывали армию отказаться от интервенционистской и контрреволюционной войны против якобинской Франции. Плимутский корреспондент министерства внутренних дел сообщает в 1795 г., что солдаты уступили свои продукты «бунтовщикам».

Милиция восставала вместе с народом. В апреле 1795 г. в Суссексе милиция захватила и продала муку по пониженной цене. В Сиффорде совместно с народом взбунтовалась и милиция. Порядок был «восстановлен» полком солдат из Ланкашира. Сержант полка был убит восставшими милиционерами. Военно-полевой суд расстрелял двух милиционеров, троем дали по триста ударов плетью и двоих по постановлению судебной сессии повесили за «кражу», т. е. конфискацию муки. В Честере милиция освобождала из тюрьмы рабочих, посаженных за продовольственный бунт. Сер Джон Картер из Портсмута сообщает, что милиционеры из 1-го лотстерского полка принудили мясоторговцев снизить цены на мясо. Еще в 1793 г. корреспондент министерства внутренних дел просит как можно скорее убрать из Портсмута и Дергэма милицию ввиду ее явной неблагонадежности. Зверский палочно-плеточный режим в армии и флоте возмущает широкие общественные прогрессивные и радикальные круги в Англии.

В 1793 г. вспыхивает восстание на одном из линейных кораблей из-за жестокого обращения офицеров с матросами. Несколько восставших вешают на реях этого же корабля. В мае 1797 г. в Спитхэде разрастается восстание 20 линейных многопушечных кораблей, фрегатов, корветов и т. п. Флот поднимает красный флаг на всех судах, смещает всех жестоких офицеров и командиров. Флот предъявляет требование к королю и парламенту о немедленной выплате жалованья, удалении жестоких офицеров и амнистии восставшим.

Восстание флота в Спитхэде было столь внезапно, что принудило правительство пойти на уступки. Требования восставших были удовлетворены. Но в день соглашения между восставшим Спитхэдским флотом и правительством вспыхнуло восстание двух других флотов — в Норе и Ярмуте, причем флот в Ярмуте пошел на соединение с восставшим флотом в Норе. В восстании Северного флота в Норе участвовало не менее 70 линейных многопушечных кораблей. Флот поднял красные флаги, сменил

старый командный состав, избрал судовые комитеты и центральный комитет флотских делегатов. Цехи делегатов назначили своих красных капитанов и адмиралов из матросов. Ричард Паркер, красный адмирал, и Грегори, красный капитан, бывшие простые матросы, стали душой восстания Северного флота. К ним пришел под красными флагами еще флот адмирала Дункана. Часть флота на Темзе присоединилась к восставшим. Английское правительство было вынуждено просить интервенции русского генерала Макарова, крейсировавшего в Ламанше против французов. Восставшие пытались блокировать устья Темзы при входе в Лондон.

Не поддержанные берегом, где реакция уже восторжествовала, отрезанные от рабочих центров, восставшие были обречены на саморазложение. В первых числах июля 1797 г. после отдельных боевых стычек корабли начали постепенно сдаваться.

Ричард Паркер, Грегори и 40 матросов были повешены, сотни брошены в плавучие тюрьмы и сосланы на каторгу. Восстание фактически руководилось Корреспондентскими обществами. Восстания во флоте продолжались до 1807 г. Восставал флот в Средиземном море, флот Индийского океана, было восстание одного корабля в Северной Америке. Таким образом все виды оружия принимали участие в бурном революционно-демократическом движении в 1792—1797 гг.

Беспорядки в армии затянулись до 1816 г. В 1800 г. в Оксфордшире «блос» (синие), т. е. военные моряки, получили благодарность от рабочего народа за их симпатии к мятежникам в Ноттингэме. Мэйланд сообщает, что в 1812 г. были сделаны серьезные попытки взбунтовать его войска в Йоркшире. В 1816 г., в харчевне в Раули один солдат зачитывает письмо своего многосемейного голодающего и безработного отца, который советовал своему сыну: «Употреби ружье в дело в случае какого-либо бунта в этой стране не для того, чтобы причинить вред кому-нибудь, но если принудят стрелять, то или стреляй через их головы (т. е. бунтовщиков) или застрели тигра, отдающего такой приказ, и убеждай всех своих товарищей делать то же». Так революционный народ боролся за влияние на армию.

Судебные политические процессы «луддитов» и «свингов» 1810—1831 гг. пестрят процессами о революционной агитации в армии. В 1808 г. восстает милиция в Или, ее подавляет эскадрон наемных германских кавалеристов. Вильям Коббет в «Политиколь реджистре» бичует правительство за усмирение мятежа. В июне 1810 г. Коббет получает за эту статью 2 года тюрьмы, 3.000 ф. ст. штрафа и обеспечение двух поручителей на 7 лет по 2.000 ф. ст. с каждого. Разоренный Коббет уходит в тюрьму. 22 февраля в органе революционного демократа Ричарда Карлейля появляется пламенная, гневно протестующая статья «Тысячу ударов». Капрал Куртис приговаривается судом к тысяче ударов за пустяковый проступок, когда резко кто выдерживал и 500 ударов.

Под влиянием статьи и возбужденного ею общественного мнения наказание капралу было значительно смягчено. В 1812 г. Парсон Гей из Манчестера просит для усмирения прислать милицию, но только из Восточной Англии. На другую он не надеется. В 1812 г. была надежной только одна кэмберлендская милиция, и все же во время подавления луддитского мятежа один милиционер отказался стрелять в рабочих, напавших на фабрику Картрайта. Корреспондент министерства внутренних дел спешит сообщить, что «чудовище заключено под стражу». В Чэкфильде милиция находится в тесной связи с «инсургентами»-«луддитами». В Чeshire и в ряде других мест власти не решались прибегать к помощи милиции для подавления народного восстания. Сообщая в 1816 г. в министерство внутренних дел о стачке моряков торгового флота, Марк Сайкс прибавляет, что «на местную милицию не должно полагаться», но можно призвать отряд кавалерии (йоменри) из Гельдернессе «без препятствий», и это «будет стоить больше, чем все полки местной милиции во всем Гайдн».

ге». В 1817 г. лорд Энгельси, сообщая министерству внутренних дел, что милиция была бесполезной, замечает: «Конечно это действует очень возбуждающе на чувства некоторых людей, призванных к нападению на их же родственников».

Правительство было вынуждено распустить корпус волонтеров, так как из большинства городов на севере Англии—Шеффильда, Манчестера, Болтона, Бери Стаффорда, Бирмингэма—власти сообщают об отказе волонтеров выступать против «бунтовщиков» и даже действуют с ними заодно, как в случае, подобном продовольственному бунту, или во время массовой стачки.

Такова история «восьмидесятилетней социальной гражданской войны в Англии», о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс и которую Энгельс наблюдал в Англии, будучи свидетелем форменного боя рабочих с войсками на улицах Манчестера. Ясно, что чартизму предшествовала огромная полоса революционного движения, подготовившая чартизм. Именно про эту эпоху говорил К. Маркс в своей речи на годовщине чартистской «Народной газеты» в 1849 году: «Я знаю героическую борьбу английских рабочих, начатую еще в середине прошлого столетия, борьбу, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали».

Именно на фоне этой героической борьбы, упорно замалчивавшейся буржуазными историками, выросла и играла решающую и руководящую роль в 1792—1816 гг. демократическая партия рабочих масс—Корреспондентские общества,—кратким изложением истории которой мы закончим нашу статью об английском пролетариате во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.

Корреспондентские общества – организационно-политический центр революционного движения в Англии в эпоху промышленного переворота

Массовое революционно-демократическое движение в конце XVIII столетия в Англии развивалось под влиянием провозглашения независимости САСШ, Ирландского восстания и революционных тайных обществ Ирландии и Шотландии. На размах политического движения и перевод его на рельсы революционно-демократического массового движения

оказала влияние в особенности Великая французская революция, главным образом якобинский период этой революции. Политика удушения Ирландии привела Англию к фактической войне с революционной ирландской повстанческой армией. Насквозь продажный парламент с его каторжным социальным законодательством естественно должен был стать тем фокусом, в котором концентрировались весь гнев и вся ненависть тогдашнего рабочего класса, разорвавшейся мелкой буржуазии, сельскохозяйственных батраков и деревенской бедноты. «Аристократия золота», слившись с «аристократией земли» (К. Маркс, «Капитал», т. II, гл. 24), своей своекорыстной социально-экономической политикой объективно, невольно усиливала революционное недовольство.

Шедшие в одной шеренге с ториями времен «славной» революции 1688 г. виги под влиянием все нараставшего экономического и политического кризиса начинают «розоветь». Среди них возникает новая оппозиция, пытающаяся очень осторожно и очень трусливо захватить революционное движение в свои руки и «возглавить» нараставшую демократическую революцию народных масс для того, чтобы в нужный момент ее «обезглавить». Чувствуя приближение революционных бурь и социальных потрясений, либеральная буржуазия хочет открыть «клапан», через который постепенно испарились бы пары революции.

Таким клапаном, дезориентирующим революционные массы, обманывающим народ, была без сомнения мышиная возня «новых» вигов за реформу парламента. Новые виги объективно выполнили социальный заказ своего класса: отвести революционное движение левеющих масс от острого, коренного вопроса всякой революции—борьбы за политическую власть—методами уличной борьбы вооруженного восставшего народа. Еще революция 1648 г. и провозглашение независимости САСШ достаточно показали английской буржуазии, куда может и должно расти непосредственное революционно-демократическое движение самих народных масс.

Великая французская революция с ее плебейским методом ликвидации феодализма окончательно отбросила не только английскую буржуазию в целом, но и все «левое» крыло как старых, так и новых вигов в сторону реакции. Якобинская революция 1792—1793 гг. во Франции превратила английских «розовых» либералов в черных и махровых реакционеров типа Эдмунда Бэрка и Артура Юнга.

Британские жирондисты («Общество конституции и друзей народа») декларировали в 1792 г., что их общество образовалось «не с целью распространения революционных доктрин, а в интересах поддержки конституционных реформ и изменений, необходимых для удаления признанных аномалий и недостатков наших учреждений, реформ, достижение которых, по убеждению общества, представит для страны лучшую гарантию, и против намерения лиц, стремящихся к ниспровержению самих учреждений» (Джефсов, «Плагформа», ч. I-я, стр. 202). Они были резкими противниками республиканизма Томаса Пэна и радикализма майора Джона Картрайта (родственника изобретателя и фабриканта), выпустившего свой план реформы 1771 г. под видом «Манифеста всеобщего конвента промышленных классов» и объявлявшего английское правительство «правительством деспотизма, а миллионы ее (т. е. Англии) производственных классов — рабами»

Майор Джон Картрайт был предвестником нараставшего революционно-демократического движения «миллионов производственных классов». Он считал, что «умеренность в принципах есть преступление». Британские жирондисты в мае 1792 г. в декларации своих принципов открыто писали: «Мы заявляем, что не разделяем желания, чтобы великие планы общественного благоустройства, так горячо проповедуемые Пэном, были приведены в исполнение». А в парламентских дебатах лорд Грей от имени конституционалистов произнес речь, не оставляющую ни малейшего сомнения в том, чего хотели эти «розовые» либералы, английские жиронди-

сты. Лорд Грей заявлял: «Не хотим мы и прельщать наших сограждан заманчивыми обещаниями обеспечить за ними «права народа в полном объеме», этими иллюзиями, которые, раскрывая безграничный простор для всяких политических авантур, могут только парализовать общественное мнение, которое служит поддержкой для всякого истинного правительства, и породить тот дух новаторства, предвидеть и тем более предотвратить последствия которого не может никакой ум и никакое искусство. Мы желаем реформировать конституцию, потому что мы хотим сохранить ее». Неудивительно, что британские конституционалисты, не хотевшие дать «права народу в их полном объеме», не могли возглавлять революционное движение.

Во главе революционного движения 1792—1832 гг. встала демократическая партия. В статье «О положении XVIII века» в «Форватсе» от 31 августа 1844 г. Ф. Энгельс писал: «Одновременно с промышленной революцией возникла демократическая партия. В 1769 г. Дж. Горн Тукк основал «Society the Bill of Rignefs», в котором впервые со времен республики опять дискутировались демократические принципы. Как во Франции, все демократы были философски образованные люди, но скоро они увидели, что высшие и средние классы относятся к ним враждебно и только рабочий класс прислушивается к их принципам. Скоро они образовали в этой среде партию, и эта партия была уже в 1794 г. довольно сильна, хотя еще не настолько сильна, чтобы действовать методически. С 1797 г. до 1816 г. о ней не говорили; в бурные годы с 1816 г. до 1823 г. она была опять очень деятельна, но потом вновь впала в бездействие до июльской революции. С того времени она сохранила свое значение рядом со старыми партиями и правильно прогрессировала, как мы это увидим позже» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс, стр. 365). И далее, там же: «Результат всего движения был тот, что Англия теперь распалась на три партии: на земельную аристократию, денежную аристократию и рабочую демократию. Это единственные партии в Англии, единственные пружины, которые здесь действуют». И в другой статье — «Положение Англии — Английская конституция» — Ф. Энгельс пишет: «Борьба среднего класса против аристократии в Англии есть борьба бедных против богатых. Демократия, к которой приближается Англия, есть социальная демократия» (т. II, стр. 390).

Ясно, что борьбу бедных против богатых мог возглавить и возглавил только рабочий класс. Демократическая идеология Томаса Пэна требовала организации республиканского правительства, которое должно быть «не чем иным, как национальной ассоциацией, действующей на принципах общества, и что это будет наилучшим обеспечивающим человеку его права и проводящее большое количество благополучия с наименьшими издержками» (Т. Пэн, «Права человека. Адрес и декларация»). Томас Пэн требовал национализации земли, создания специального национального фонда по социальному страхованию от старости и от безработицы.

Такая широко демократическая и сугубо радикальная программа естественно должна была стать и стала основной программой Корреспондентских обществ. Она тщательно изучалась на их заседаниях. Такая программа естественно должна была отбросить в сторону контрреволюции всех сиятельных либеральных оппозиционеров, для которых национализация земли и объявление ее «собственностью всей человеческой расы» и социальное обеспечение безработных и рабочей бедноты были абсолютно неприемлемы, поскольку они стояли за «улучшение в столь прекрасной форме правления», а не за уничтожение основ этого правления. Программа Пэна была программой демократической революции.

Представителем аграрного социализма в тогдашнем рабочем движении 1792—1832 гг. был утопический революционный коммунист Томас Спенс. 25 января 1792 г. в Лондоне состоялось первое учредительное и организационное заседание «Демократической партии XVIII столетия» — Корреспондентских обществ, вождем и организатором которых был не Генри Тукк, как это вначале казалось Энгельсу, а рабочий-ремесленник Томас Гарди. Общество выпустило первый адрес и резолюции 2 апреля 1792 г. Джефсон в своей «Платформе» признает, что образование Лондонского корреспондентского общества «является признаком первого политического движения промышленного населения Англии, которому в позднейшие годы довелось играть такую громадную роль как в политической, так и в промышленной жизни наций» (Джефсон, «Платформа», ч. 1-я, стр. 199—200).

Общество имело устав, членские взносы и членские книжки, свой генеральный комитет. Партия насчитывала до 80 тыс. членов во всех промышленных городах Англии, Шотландии и окружающих деревнях. На первом съезде (конвенте) всех революционных организаций Эдинбурга в Шотландии в декабре 1792 г., созданном по инициативе Лондонского корреспондентского общества и его вождя Томаса Гарди, было представлено 140 делегатов от 80 обществ, из которых подавляющее большинство принадлежало Корреспондентскому обществу. В 1795 г. Корреспондентские общества имели 70 отделов. Эдмунд Барк считал, что в Англии — 400 тыс. радикалов и из них 80 тыс. якобинцев, т. е. членов демократической партии — Корреспондентских обществ. Виднейший лидер Корреспондентского общества Маргарот в Шеффилде говорил о 50 тыс. членов Корреспондентских обществ.

Корреспондентские общества руководились лозунгом Томаса Гарди: «Если парламент не выражает более воли народа, то наш долг не философствовать, а действовать». Общество провело интенсивную кампанию по всему королевству за «парламентскую реформу», в защиту якобинской Франции, собирало деньги в пользу революционной армии якобинцев и открыто и решительно стояло на пораженческих позициях по отношению к правительству Вильяма Питта, ведшего войну с революционной Францией. Общество даже проводило мобилизацию волонтеров в якобинскую армию. Общество имело в Лондоне свою высшую партийную школу, где читал свои замечательные лекции Тельволл. Относительно классовой природы тогдашнего общества у Корреспондентского общества не было ни малейших сомнений.

Тельволл писал: «Самый ценный из всех видов собственности — это пот с лица бедняков. Он-то и представляет собой собственность, являющуюся источником всякой другой собственности, и без нее великие мира сего умерли бы с голоду среди своих сокровищ. Неужели же обладателям этой неоценимой собственности надо отказать в праве на парламентское представительство на том основании, что им будто бы нечего защищать? Неужели те, которые производят все необходимое для нашего существования, ничего не должны значить на весах человечества только потому, что они производят и что они проливают кровь? Нет, фундамент государственной жизни составляет человек, а не собственность». Далее Тельволл в одной из своих лекций рабочим членам Корреспондентских обществ развивает мысль о силе концентрированного пролетариата. «Подобно всем болезням, не безусловно смертным, страшное скопление богатств в немногих руках скрывает в себе самое средства к исцелению. Все, что собирает людей на темном пространстве, хотя бы оно создавало известные тяготы, благоприятствует однако распространению знаний и в конце концов также успехам человеческой свободы. Поэтому каждая крупная мастерская, каждая фабрика есть своего рода политический союз, которого никакой закон

не может заставить замолчать и ни один судья не может распустил» (цитирую по Максу Бер, «История социализма в Англии», часть 1-я, стр. 88).

Корреспондентские общества ведут борьбу за влияние на армию и флот. В вышеупомянутом восстании трех флотов 1797 г. члены общества играют решающую и руководящую роль. Во всех «голодных бунтах» во главе подчас стоят члены Корреспондентских обществ. Даже «луддиты» угрожают именем Корреспондентских обществ. Среди членов общества много крайне левых элементов — спенсианцев, сторонников решительной революции. В 1797 г. за антимилиитаристскую прокламацию — призыв к армии «объединиться с угнетенными против угнетателей и ускорить шестые свободы» — идет на эшафот член Корреспондентского общества Фуллер. Массы готовились к перевороту, ковали пики, устраивали ночные военные упражнения. В квартире Томаса Спенса в Лондоне члены общества занимались военными упражнениями.

По всей стране общество проводило монстр-митинги. Так, 26 октября 1795 г. в Лондоне около Ислингтона монстр-митинг собрал 150 тыс. человек. Митинг принял воззвание Корреспондентских обществ с требованием реформы парламента и введения годовых парламентов на основе всеобщего прямого и равного голосования. В воззвании Корреспондентское общество заявляло: «но мы не можем ни отвечать за то, что может быть вызвано всесокрушающей силой необходимости, ни удержать порыв оскорбленных чувств. Если когда-либо британский народ громко потребует сильных и решительных мер, то мы смело ответим: мы обладаем только жизнью и готовы как каждый из нас отдельно, так и все вместе отдать эту жизнь ради спасения нашей страны».

В ноябре 1792 г. собирается конвент Шотландских революционных обществ в Эдинбурге. Конвент разгоняется правительством на основе шотландских законов. Вождь его Томас Мюр, член Корреспондентских обществ Шотландии, осуждается на 14 лет, а Пальмер — на 7 лет каторги в Австралии. Обращаясь к подсудимому Томасу Мюру, мужественно державшемуся на суде, лорд судья в своем резюме сказал: «В последнюю эпоху по стране носился дух мятежа. И несмотря на это, подсудимый осмелился держать речь перед толпою невежественных ткачей по поводу их обид, речь, которая могла привести к самым тяжким нарушениям порядка и спокойствия и к опасности для нашей славной конституции. Ведь мистеру Мюру следовало бы знать, что на подобного рода чернь нельзя обращать внимания. Какое право имеют эти люди на парламентское представительство? Подсудимому хорошо известно, что парламент не обращает внимания на их петиции» (Джефсон, «Платформа», ч. 1-я, стр. 222). Более откровенного классового суда, чем суд над Мюром за его участие в конвенте и за выступление на массовом рабочем митинге в Кирквинтиллоде, Думбартоншире, Шотландии, нельзя и придумать.

Правительство хорошо понимало, чьи классовые интересы представлял конвент Корреспондентских обществ. Разгон первого конвента и ссылка Мюра и Пальмера не остановили мобилизации революционных демократических сил. В октябре—ноябре 1793 г. вновь открывается конвент Шотландских революционных обществ. В конце ноября прибывают делегаты из Англии и Ирландии, и в декабре 1793 г. конвент объявляет себя конвентом трех наций, явно противопоставляя себя парламенту, считая себя более правомочным, чем продажный парламент. Вождями конвента были соратники Томаса Гарди — члены Корреспондентских обществ Джеральд, Скирвинг, Маурис Маргарот.

Под их влиянием конвент объявляет себя перманентным, выбирает комитет Юниона наций и секретный комитет по организации созыва конвента в случае его разгона. Правительство неоднократно отменяет Хабас Корпус-акт и вводит осадное положение во всей Великобритании. 10 — 12 декабря 1793 г. конвент разгоняется. Маурис Маргарот, Джеральд и

Скирвинг идет вслед за Мюром и Шальмером на 14-летнюю каторгу в Австралию. Прокатывается волна монстр-митингов-протестов по всей Великобритании против разгона конвента и осуждения его вождей на каторгу. На митинге количество присутствующих доходило от 30 до 150 тыс. человек, почти исключительно рабочих ткачей, рудокопов и рабочих металлической промышленности (Манчестер, Лидс, Шеффилд, Бирмингам, Ньюкестель, Лондон и другие).

На грандиозном митинге 14 июля 1794 г. в Чалькфарме, около Лондона, под председательством рабочего-парикмахера Дж. Ловета были почти сплошь рабочие. В Лидсе, Уэкфильде, Брайдфорде, Галифаксе и Шеффилде митинги состояли исключительно из фабричных рабочих. Оратор шеффилдского митинга 4 апреля 1794 г. — видный лидер организации Корреспондентских обществ рабочих Генри Йорк — был осужден за свою речь и брошен в тюрьму. По его предложению рабочие Шеффилда постановили: «требовать всеобщего представительства как права, а не просить его как милости. Поэтому мы не будем более подавать об этом петицию Палате общин». Томас Гарди и Лондонский генеральный комитет Корреспондентских обществ энергично ведут пропаганду за созыв конвента в Англии. 12 мая 1794 г. издается королевский приказ о роспуске всех обществ. Членам Корреспондентских обществ приходится уйти в подполье. Начался разгром обществ. Английские суды используются членами Корреспондентских обществ как трибуна для революционной пропаганды. Вокруг английских судов толпятся огромные массы рабочего народа, следя за процессами и ожидая приговора над арестованными лидерами Корреспондентских обществ.

И если не все вожди Корреспондентских обществ сознавали политическое значение конвента Трех наций, разогнанного в декабре 1793 г. в Эдинбурге, то государственный солиситор очень хорошо это понимал, когда в своей обвинительной речи 6 января 1794 г. против Скирвинга, одного из вождей конвента и соратника Томаса Гарди, сказал: «Само название «Британский конвент» заключает в себе идею мятежа; это есть присвоение себе названия, которое имеют право носить только члены установленного правительства. И во имя каких целей соединился этот Британский конвент? Во имя введения всеобщей подачи голосов, другими словами — с целью ниспровержения правительства Великобритании».

Через неделю после осуждения на 14-летнюю каторгу Скирвинга судился Маурис Маргарот, столь яростно отстаивавший на заседаниях конвента идею его полной правомочности как политического представительства «индустриальных классов — большинства народа».

Лорд судья Суитон в резюме по делу Мауриса Маргарота заявил: «Они (т. е. члены конвента) имели в виду преобразование конституции, а я скажу, милорды, что в этом нет нужды, наша конституция сама себя преобразует». Маргарот также по законам Шотландии получает 14 лет каторги. 3 марта 1794 г. судили Джозефа Джеральда. Государственный солиситор в своей обвинительной речи против Джеральда сказал: «Закон, говорю я, с самого нашего рождения обязывает нас быть верными нашей конституции, и никакие группы людей не вправе пускаться в рассуждения, основываясь только на том, что в рассуждениях нет вреда. Я утверждаю, что подданные Великобритании, рожденные в верности конституции, не имеют права на такие рассуждения».

Но в коренной Англии не так легко можно было сослаться на каторгу за рассуждения о конституции, как в Шотландии. Там «Вильям Пит-Война» отменил «Хабеас Корпус-акт» и возбудил судебное преследование против вождей Лондонского генерального комитета Корреспондентских обществ — Томаса Гарди, Тука, Тельволла и других. В обвинительном акте Томасу Гарди инкриминировалась измена королю, парламенту и государству. По словам акта, Томас Гарди, «не имея страха божия, но дви-

жимый и побуждаемый дьявольскими внушениями, как изменник, намеревался возбудить и поднять мятеж и восстание против нашего государя-короля и ниспровергнуть и изменить законодательную власть и правительствo, в настоящее время и должным образом и к общему благу установленное, низложить короля и лишить жизни и т. д.». Но Англия — не Шотландия. Реакции не удалось послать на каторгу никого из вождей Лондонского корреспондентского общества. После блестящей речи Томас Гарди был оправдан. Вместе с ним оправданы были Горн Тук и Тельволл.

Правительство переменяло тактику: вместо нелепого и бессмысленного обвинения в государственной измене в пользу революционной Франции оно стало предъявлять обвинение в возмущении. Государственный секретарь лорд Гренвиль заявил о Корреспондентском обществе в Палате лордов при обсуждении закона об отмене конституционных гарантий: «Целью руководителей этого движения была не парламентская реформа, а гибель нашей монархии, ниспровержение всех законов порядка, сословий и собственности». По всей стране идут процессы членов Корреспондентских обществ. Несмотря на репрессии, в 1794 г. общество вновь организует массовую митинговую кампанию за годовой парламент. К июню 1795 г. Лондонское корреспондентское общество выпускает новое обширное пламенное воззвание к народу, беря курс на подготовку революции.

В воззвании Лондонское корреспондентское общество пишет: «По прошествии более чем двенадцатимесячного промежутка времени, протекшего среди ужаснейших волнений и тревог, Лондонское корреспондентское общество, верное своим принципам и первоначально поставленным задачам, снова заявляет о себе». Осадное положение не убило общества. «Прошло уже около 4 лет с тех пор, как мы впервые обратили ваше внимание на то, что совершается в стране, и на ее положение. Если уже тогда чувствовалась необходимость объединения, то насколько эта необходимость сделалась еще сильнее в настоящее время! Мы считаем нашим долгом объединиться для того, чтобы сообща заявлять о наших невзгодах теперь же, когда невзгоды удесятились. Неужели мы будем молчать и откажемся от своих целей? Время ли теперь отказываться от всяких дальнейших действий? Конечно нет!.. Прочь холодные расчеты самосохранения и осторожности! Прочь все полумеры и неуместные страхи!.. Никакая земная сила не может заставить молчать голос оскорбленного народа или приостановить развитие свободной мысли. Вынимайте ваши бичи и орудия пытки, служители мести! Выставляйте ваши эшафоты и ваших палачей! Стройте казармы и крепости на каждой улице и на каждом перекрестке! Преследуйте и наказывайте всякого невинного обывателя, — победа все же будет не на вашей стороне. Голос разума, как рев немейского льва, будет раздаваться даже из каменных пещер. Святая кровь патриотизма, льющаяся из-под карающей секиры, напоит землю и оплодотворит семена свободы, будут гибнуть люди, но истина будет жить вечно».

Так отвечала демократическая партия на режим виселиц и каторги «Вильяма Пита-Войны».

В воззвании от 26 октября 1795 г., принятом на 150-тысячном митинге в Лондоне, Лондонское корреспондентское общество резко ставит вопрос о власти. «Что это за жестокое и ненасытное чудовище, которое терзает и попирает нас? Почему среди кажущегося благосостояния обречены мы умирать голодной смертью? Почему, неустанно трудясь и работая, должны мы гибнуть от всевозможных бедствий и нищеты? Что это за страшный и глубоко проникающий яд, который отравляет все наше домашнее благополучие и разрушает наше общественное благоденствие? Это продажный Парламент, который, как пенящийся водоворот,

поглощает плоды всех наших трудов и оставляет на нашу долю осадок горечи и разочарования».

Оправдание т. Гарри 5 ноября 1794 г. стало ежегодным праздником рабочих демократов вплоть до 1842 г. В адресе королю Лондонское корреспондентское общество рекомендовало ему «подумать о пропасти, которая лежала между мольбой и отчаянием». И правительство, и король, и парламент очень хорошо понимали, над какой пропастью они стояли, и решили перепрыгнуть ее при помощи объявления своего возлюбленного королевства на осадном положении. Издаются новая королевская прокламация и новый билль против мятежных обществ. И к 1797 г. удается раздвинуть революционное движение рабочего класса, кульминационным пунктом которого было вышеупомянутое восстание трех флотов Великобритании. В 1813 г. делается попытка заговора со стороны членов Лондонского корреспондентского общества. Полковник Деспарда, руководитель заговора, гибнет на эшафоте. На скамьях подсудимых по делам Корреспондентских обществ преимущественно сидят потомственные и почетные рабочие-ткачи, рудокопы, металлисты и мелкие ремесленники.

Историки Коль, Жорес, Бер, Шлютер, В. Слоссон, Косминский смазывают классовую природу Корреспондентских обществ, трактуя их как движение преимущественно мелкой буржуазии, и якобы не имевшее большого значения. В своей ранней рецензии на книгу М. Бера «История социализма в Англии» т. Ф. Ротштейн в журнале «Просвещение» № 1 (январь 1914 г.) писал, что «из «аграрно-политических взглядов» Томаса Пэна «берет начало то политически-революционное течение среди рабочего класса, которое, начавшись с чрезвычайно интересного «Лондонского корреспондентского общества» (London korresponding Society) 1792, 1799 гг., разрослось впоследствии в могучее чартистское движение» (стр. 47).

К сожалению в своих «очерках» т. Ротштейн фактически отошел от этой энгельсовской правильной концепции развития чартизма из Корреспондентских обществ. Напомним характеристику, дававшуюся Ф. Энгельсом Корреспондентским обществам. Вот что писал Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии в 1844 г.»: «Возмущение рабочих против буржуазии началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазисы» (разрядка моя.—Г. Б.). Одной из таких первоначальных фаз или фазисов и были Корреспондентские общества. Энгельс об этом периоде писал: «Чартизм есть детище демократической партии, развившейся в 80-х годах XVIII столетия одновременно с пролетариатом и внутри его (разрядка Ф. Энгельса). Во время французской революции эта партия усилилась и после заключения мира выступила как партия «радикальная». Главным ее центром были тогда Бирмингем и Манчестер, а раньше Лондон. В союзе с либеральной буржуазией она вырвала у олигархов старого парламента билль о реформе и с тех пор стала все более и более выступать как партия рабочая, действовавшая уже против буржуазии (изд. 1926 г., стр. 246, разрядка моя. — Г. Б.). Мы приводили уже мнение К. Маркса об этом периоде истории героической борьбы английского пролетариата, «не окруженной нимбом славы, ибо буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали». В статье «Французская и английская классовая борьба» в «Новой рейнской газете»¹ от 31 июля 1848 г., издаваясь над Вольферсом из «Кельнской газеты», отрицавшим какой бы то ни было «след» ненависти английского пролетариата к собственной буржуазии, Маркс —

¹ «К. Маркс, Фр. Энгельс в эпоху немецкой революции, статья 1844—1848 гг.». Издательство Маркса — Энгельса, стр. 123, 1926 г.

Энгельс пишет: «Вся война рабочих против фабрикантов, которая длится вот уже восемьдесят лет, борьба, которая началась с разрушения машин и через коалиции, через отдельные нападения на личность и собственность фабрикантов и немногих преданных фабрикантам рабочих, через более или менее крупные восстания, через инсurreкции 1839 и 1842 гг., развилась в самую сознательную классовую борьбу, какую только видел свет. Вся эта классовая борьба чартистов, организованной партии пролетариата, против организованной государственной власти буржуазии, борьба, которая, правда, не привела еще к таким страшным, кровавым коллизиям, как июньская битва в Париже, но будет вестись с гораздо большим упорством, гораздо большими массами и на гораздо большем пространстве, — эта социальная гражданская война является конечно для «Кельнской газеты» и для сотрудника ее Вольфера сплошным доказательством любви английского пролетариата к господствующей над ним буржуазии». Вот как К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали историю восьмидесятилетней социальной гражданской войны в «старой веселой Англии».

Вслед за Марксом—Энгельсом и Ленин рассматривал политическое движение 1792—1832 гг. в Англии в основном как движение революционного пролетариата.

В статье «Конституционный кризис в Англии» (т. XVII, изд. 2-е, стр. 311) В. И. Ленин писал об английском рабочем движении: «Пришла к концу монополия Англии... Проснулся снова и снова, после эпохи конца XVIII века (разрядка моя. — Г. Б.), после чартизма 1830 и 1840 гг. английский пролетариат». В своей речи «Третий интернационал и его место в истории» (т. XXIV, стр. 246) В. И. Ленин сказал, что «английское рабочее движение той эпохи (Великой французской революции 1789—1794 гг. — Г. Б.) гениально предвосхищает многое из будущего марксизма».

Такова оценка В. И. Ленина рабочего движения во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Демократическая партия в 1816—1819 гг. организует новые мощные митинги и демонстрации. Генри Хунт, Вильям Коббет и Ричард Карлейль примыкают к движению и становятся ораторами и трибунами этих митингов. 18 августа 1819 г. в Манчестере на Петерлоо происходит кровавая массовая бойня рабочих демонстрантов. В 1842 г. Манчестер вновь становится ареной восстания и босв, свидетелем которых был Ф. Энгельс. В 1819—1832 гг. партия борется в союзе с либеральной буржуазией за реформу парламента. Под ударами революционных бурь 1816—1832 гг. вырывается избирательная реформа 1832 г. Томас Карлейль, Байрон, Бетси Шелли, Элиот, Томас Гуд, Томас Купер испытывают влияние революционного пролетариата, и в их поэзии звучат боевые ноты против тиранов, деспотов и вампиров-богачей.

«Первенцы промышленной революции, английские рабочие, — говорил К. Маркс в 1848 г., — будут и не последними в социальной революции». И не «буржуазным проходимцам» из фабианского лагеря затушевать историю героической борьбы английского пролетариата.

Пора из глубины истории воскресить «неокруженные нимбом славы» героические образы членов Британского конвента Трех наций, предшественника чартистского конвента, этого «парламента рабочих». Революционный пролетариат, вынесший своей героической борьбой обвинительный акт капитализму, поднявшись на высокую ступень сознательной политической борьбы во главе с коммунистической партией, чтит «политических каторжников», организаторов первого конвента рабочего класса в Англии в 1792—1793 гг., славного предшественника чартистского «парламента рабочих», почетным делегатом которого в 1851—1854 гг. был Карл Маркс.